Сравнительно-правовой и исторический анализ различных моделей адвокатуры в контексте обеспечения независимости адвокатуры, адвоката и адвокатской деятельности

Шевцова Майя Зейнуллаевна
аспирант кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), advokat-shevtsova@mail.ru

Исследуется эволюция организационно-правовых моделей адвокатуры с точки зрения институциональной самостоятельности профессионального сообщества и независимости адвоката в конкретном поручении. Предмет исследования составляют исторические формы организации российской адвокатуры и ее современное регулирование в России, Германии, Франции, Англии и Уэльсе. Цель работы — выявить юридические механизмы, позволяющие совместить корпоративное самоуправление, профессиональную ответственность и защиту адвоката от неправомерного вмешательства. Использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и функциональный методы. Показано, что одинаковый термин «независимость» получает различное организационное выражение: в самоуправляемой палате, профессиональном ордене либо системе раздельных органов представительства и регулирования. Обосновывается вывод о недопустимости механического переноса иностранных институтов без учёта распределения компетенции, способов обжалования решений и гарантий профессиональной тайны. Предлагается применять функциональную матрицу оценки независимости, включающую доступ к профессии, нормотворчество, дисциплинарное производство, представительство профессиональных интересов и судебную проверяемость решений.

Ключевые слова: адвокатура; независимость адвоката; историко-правовой метод; сравнительное правоведение; адвокатское самоуправление; адвокатские палаты; дисциплинарная ответственность; правовая профессия.

Введение

Независимость адвокатуры не сводится к юридическому провозглашению её автономии. Существенное значение имеет то, кто принимает решение о допуске к профессии, устанавливает обязательные стандарты поведения, осуществляет дисциплинарную юрисдикцию и разрешает споры между адвокатом и профессиональной организацией. Возможность свободно осуществлять законную защиту доверителя определяется сочетанием этих полномочий и предусмотренных правом пределов их реализации.

Сравнение различных правопорядков осложняется отсутствием единой модели адвокатуры. Российский адвокат, германский Rechtsanwalt, французский avocat, английские solicitor и barrister обладают не вполне тождественными статусами. Соответственно, методологически неверно сопоставлять лишь наименования профессиональных органов и делать вывод об уровне независимости по степени их внешней схожести.

Цель настоящего исследования — установить связь между исторически сложившейся организацией профессии и юридическими механизмами обеспечения независимости. Для этого используются пять сопоставимых критериев: порядок приобретения профессионального статуса; распределение регулирующих и представительских полномочий; дисциплинарные процедуры; гарантии профессиональной тайны и независимого усмотрения; судебный контроль. Предлагаемая автором сравнительная матрица представляет аналитический инструмент, а не нормативную классификацию законодательных систем.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. положили начало институционализации присяжной адвокатуры в Российской империи. Учреждение судебных установлений предусматривало статус присяжных поверенных, требования к вступлению в профессию и элементы сословного профессионального устройства. Существенным новшеством стало возникновение советов присяжных поверенных там, где закон допускал их образование: адвокатура приобрела формы профессионального объединения, способного участвовать в рассмотрении вопросов допуска и дисциплины.[1]

Историческое значение реформы нельзя оценивать через современную категорию полного корпоративного самоуправления. Становление советов происходило в рамках имперской судебной системы, сохранявшей публично-властные механизмы контроля. Однако принципиальным оказался сам переход от разрозненного судебного представительства к профессии с особыми квалификационными и этическими условиями. Это показывает, что независимость развивается не одномоментно, а через институциональное обособление профессии и ограничение произвольного внешнего воздействия.

После 1917 г. дореволюционная система присяжной адвокатуры была ликвидирована; последующее советское регулирование выстраивало различные формы коллегий защитников. Организационная принадлежность к коллегии не означала отсутствия государственных полномочий в отношении её устройства, состава и деятельности. На уровне исторической модели приоритет придавался задачам социалистического правосудия и организационному включению юридической помощи в публично управляемую систему.[2]

Вместе с тем сведение советской адвокатуры исключительно к государственному органу было бы юридически неточным. Коллегии адвокатов обладали организационными формами профессионального объединения, но степень их автономии была ограничена особенностями государственно-правового строя. Поэтому для исторической оценки существен не бинарный вопрос о наличии или отсутствии коллегии, а объём самостоятельности в принятии профессиональных решений.

Современная модель основана на признании адвокатуры институтом гражданского общества, не входящим в систему государственных органов. Статья 3 Федерального закона № 63-ФЗ одновре-

[1]Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года.

[2]Положение об адвокатуре РСФСР: утв. Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596. Историческая редакция.

менно закрепляет независимость, самоуправление, корпоративность и равноправие адвокатов. Региональные адвокатские палаты и ФПА РФ имеют установленную законом компетенцию, а запрет неправомерного вмешательства в адвокатскую деятельность закреплён статьёй 18. Следовательно, в современной конструкции коллективная автономия впервые последовательно описана законодателем как принцип деятельности института, осуществляющего публично значимую функцию.[1]

Однако самоуправление не устраняет риска внутрикорпоративного вмешательства в индивидуальную деятельность адвоката. Обязательность законных решений органов адвокатского сообщества требует ясных границ компетенции, справедливых дисциплинарных процедур и возможности судебной проверки актов, затрагивающих профессиональный статус. Исторический опыт тем самым позволяет сформулировать первый сравнительный вывод: наличие профессиональной корпорации является условием институциональной устойчивости, но не исчерпывающей гарантией индивидуальной независимости.

Германская модель представляет особый интерес вследствие сочетания статуса адвоката как независимого участника отправления правосудия и юридически структурированной системы профессиональных палат. В соответствии с §§ 1–3 Bundesrechtsanwaltsordnung адвокат признаётся независимым органом правосудия, осуществляет свободную профессию и является независимым советником и представителем по правовым вопросам. Нормативная характеристика профессии тем самым прямо связывает адвокатскую независимость с её функцией в правопорядке.[2]

Организационная сторона германского регулирования раскрывается через Rechtsanwaltskammern — профессиональные палаты, порядок образования и деятельности которых установлен в частности §§ 60–73 BRAO. Палата представляет собой не произвольный частный союз, а юридически оформленный институт профессионального управления. Её полномочия в вопросах статуса адвоката и соблюдения обязанностей сочетаются с предусмотренными законодательством механизмами контроля и судебного разрешения споров.[3]

В германской модели публично-правовая институционализация палаты не тождественна административной подчинённости отдельного адвоката. Напротив, правопорядок признаёт его независимую процессуальную роль, одновременно возлагая на профессиональное объединение задачи, затрагивающие качество помощи и дисциплину. Вместе с тем формальное наличие полномочий палаты не позволяет автоматически заключить, что любое её решение способствует независимости: решающими являются нормативные пределы вмешательства и средства защиты адресата решения.

Французская модель характеризуется развитой организацией адвокатов в рамках barreaux и органов ordre. Закон от 31 декабря 1971 г. № 71-1130 закрепляет компетенцию conseil de l'ordre, в том числе по вопросам внутреннего регламента, ведения профессионального списка, соблюдения обязанностей адвокатов и защиты их прав. В отличие от германской формулы об адвокате как независимом органе правосудия, французский законодатель подробно определяет именно организационные полномочия профессионального ордена.[4]

При сопоставлении двух систем обнаруживается общий признак — законодательно признанное участие профессиональных органов в поддержании стандартов и защите адвокатов, — но различаются нормативная терминология, организационные формы и конкретное распределение полномочий. Поэтому характеристика обеих систем как «самоуправляемых» допустима лишь на уровне широкого обобщения и не отменяет необходимости анализа национальных процедур допуска, дисциплины и обжалования.

Сравнение позволяет уточнить правовую природу профессиональной независимости: она не является следствием одной организационной формы. Палата может обладать публично-правовым статусом, а профессиональный орден — широкой внутрикорпоративной компетенцией, однако степень защищённости отдельного адвоката зависит от того, насколько конкретные механизмы исключают произвольное воздействие на содержание юридической помощи.

Иная конструкция сложилась в Англии и Уэльсе, где исторически сохраняется различение solicitors и barristers. В отношении этих категорий нельзя механически употреблять единое понятие «адвокатская палата» по российскому образцу. Различаются профессиональные траектории, осуществляемые функции и органы регулирования, что требует функционального, а не терминологического сравнения.

Legal Services Act 2007 предусмотрел систему регулирования юридических услуг с участием Legal Services Board. Одной из её особенностей является разграничение представительских функций профессиональных организаций и регуляторных полномочий. В частности, по сведениям Legal Services Board для solicitors соответствуют Law Society как представительский институт и Solicitors Regulation Authority как самостоятельный регулятор; для barristers — Bar Council и Bar Standards Board.[5]

Разграничение представительства и регулирования направлено, в том числе, на предупреждение конфликта между защитой коллективных интересов профессии и необходимостью беспристрастно оценивать её участников. Legal Services Board подчёркивает значение организационной самостоятельности регулирующих решений от решений, продиктованных представительскими задачами. Данная модель показывает иной способ обеспечения профессиональной независимости: не концентрацию профессионального управления в едином корпоративном органе, а распределение потенциально конфликтующих функций.[6]

Вместе с тем разделение органов не устраняет вопросы об ответственности самих регуляторов, процедурной справедливости их решений и влиянии внешней надзорной инфраструктуры на профессию. При оценке рассматриваемого подхода важно избегать упрощённой антитезы «корпоративное самоуправление — независимое регулирование»: обе системы предполагают внешние правовые ограничения и механизмы профессиональной ответственности, но по-разному распределяют компетенцию.

В исследовании Р. Л. Абеля, посвящённом юридической профессии Англии и Уэльса, предметом самостоятельного анализа выступает социальная организация профессии.[7]

Для российского правопорядка прямое перенесение английской схемы означало бы изменение основных элементов законодательной модели адвокатуры. Однако сам принцип предотвращения конфликта представительской и дисциплинарной функций представляет сравнительно-правовой интерес при оценке беспристрастности принимаемых корпоративных решений.

Полученные результаты позволяют предложить функциональную матрицу из пяти взаимосвязанных критериев. Первый критерий — кто принимает решения о вступлении в профессию и прекращении статуса; второй — как разграничены обязательное нормотворчество и представительство интересов адвокатов; третий — насколько независим и беспристрастен орган дисциплинарного контроля; четвёртый — какие гарантии защищают тайну общения с доверителем и свободу законной профессиональной позиции; пятый — доступны ли действенные средства пересмотра решений, затрагивающих профессиональную самостоятельность.

В России центральное значение имеет корпоративное самоуправление палат в установленной законом системе полномочий. В Германии значимы нормативно оформленные профессиональные палаты и статус адвоката как независимого участника правосудия.

---

[1]Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102. Ст. 3, 18, 29–35 (в действующей редакции).

[2]Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO), §§ 1–3. Официальная актуальная редакция: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).

[3]Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO), §§ 60–74a. Официальный текст: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).

[4]Loi n° 71-1130 du 31 décembre 1971 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques, art. 17. Légifrance: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (дата обращения: 14.10.2026).

[5]Legal Services Act 2007, c. 29, ss. 1–3, 27–30. Официальный текст: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (дата обращения: 14.10.2026); Legal Services Board. Approved regulators: https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (дата обращения: 14.10.2026).

[6]Legal Services Board. Independent regulation. URL: https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (дата обращения: 14.10.2026).

[7]Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.

Во Франции важную роль выполняют органы профессионального ордена, совмещающие регулирование внутренней организации и защиту профессиональных прав. В Англии и Уэльсе особое внимание уделяется организационному разделению представительства и регулирования. Эти различия не образуют объективного рейтинга независимости стран: для такой оценки требовались бы сопоставимые данные о правоприменении и результатах защиты адвокатов.

В международных Основных принципах, касающихся роли юристов, закреплены ориентиры независимости профессиональных объединений и их участия в защите профессиональных интересов, в частности в пунктах 24–25. Эти положения не устанавливают единой обязательной модели устройства адвокатуры. Следовательно, соответствие международным ориентирам должно оцениваться через возможность профессиональной организации действовать без неправомерного вмешательства, а также через фактическую защищённость оказываемой юридической помощи.[1]

Историко-сравнительный подход выявляет два типичных риска. Первый состоит в чрезмерном внешнем влиянии на статус и профессиональные решения адвоката под предлогом публичного характера правосудия. Второй возникает при сосредоточении корпоративной власти без достаточно определённых процедур её оспаривания. Разрешение этих рисков не требует отказа от профессионального самоуправления; напротив, предполагает юридическую определённость компетенции и эффективную проверяемость индивидуальных решений.

Для совершенствования российской модели представляется продуктивным не механическое заимствование иностранного органа, а применение функциональных гарантий: прозрачного разрешения конфликта интересов при дисциплинарном производстве; различения контроля за соблюдением профессиональных обязанностей и недопустимого навязывания правовой позиции; процедур своевременной защиты от вмешательства; доступности судебного контроля.

Существенным достоинством предлагаемой матрицы является её применимость к различным историческим этапам: она позволяет не противопоставлять «государственные» и «самоуправляемые» системы в абстрактном виде, а исследовать действительные юридические механизмы защиты. Одновременно матрица показывает границу самого сравнительно-правового метода: анализ нормативных конструкций не доказывает их фактической эффективности без самостоятельного эмпирического исследования.

Исторический опыт России демонстрирует последовательное изменение организационных форм адвокатуры: от присяжного представительства с элементами профессионального самоуправления через советскую систему коллегий защитников к современной законодательно оформленной модели адвокатского сообщества как института гражданского общества. На каждом этапе независимость определялась не только названием профессионального объединения, но и пределами вмешательства в его компетенцию и деятельность отдельного адвоката.

Сопоставление законодательства Германии, Франции, Англии и Уэльса позволяет установить отсутствие единой универсальной организационной модели. Юридически значимым является не формальный статус органа — публично-правовая палата, профессиональный орден либо самостоятельный регулятор, — а распределение полномочий по допуску, нормотворчеству, дисциплине, профессиональному представительству и защите от вмешательства.

Авторский вывод состоит в необходимости функционального понимания гарантий независимости адвокатуры, адвоката и адвокатской деятельности. Институциональная автономия является необходимым, но недостаточным условием: она должна дополняться защищённостью профессионального усмотрения, процедурной беспристрастностью и проверяемостью решений, затрагивающих статус адвоката. Предложенная сравнительная матрица может использоваться для оценки российской модели без необоснованного копирования зарубежных институтов.

Литература

1. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года.
2. Положение об адвокатуре РСФСР: утв. Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (дата обращения: 14.10.2026).
5. Loi n° 71-1130 du 31 décembre 1971 portant réforme de certaines professions judiciaires et juridiques. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (дата обращения: 14.10.2026).
6. Legal Services Act 2007 (UK), c. 29. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (дата обращения: 14.10.2026).
7. Legal Services Board. Approved regulators. URL: https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (дата обращения: 14.10.2026).
8. Legal Services Board. Independent regulation. URL: https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (дата обращения: 14.10.2026).
9. Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.
10. Основные принципы, касающиеся роли юристов (Гавана, 1990). URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (дата обращения: 14.10.2026).

Comparative legal and historical analysis of different models of the legal profession in the context of safeguarding the independence of the bar, lawyers and legal practice

Shevtsova M.Z.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the historical evolution and contemporary institutional models of the legal profession from the perspective of collective autonomy and the independence of individual lawyers. It compares pre-revolutionary, Soviet and contemporary Russian arrangements with the regulatory frameworks of Germany, France, England and Wales. The study employs historical, comparative, doctrinal and functional methods. It demonstrates that professional independence cannot be measured solely by the formal absence of governmental participation: regulatory competence, representative functions, disciplinary safeguards and judicial review must be assessed together. The article distinguishes professional self-government, statutory professional chambers, and systems separating regulatory and representative bodies. It argues against uncritical transplantation of foreign institutions and proposes a functional matrix assessing admission, rule-making, discipline, representation, confidentiality and remedies against improper interference. This approach makes it possible to distinguish institutional independence from the effective freedom of a lawyer to provide lawful legal assistance in the interests of a client.

Keywords: legal profession; independence of lawyers; comparative law; legal history; professional self-government; bar associations; disciplinary proceedings; regulation of legal services.

References

1. Establishment of Judicial Institutions (20 November 1864). Judicial Statutes of 20 November 1864 (in Russian).
2. Regulation on the Legal Profession in the RSFSR (20 November 1980). Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, no. 48, art. 1596 (in Russian).
3. Federal Law No. 63-FZ of 31 May 2002 On Advocacy and the Bar in the Russian Federation. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, no. 23, art. 2102 (in Russian).
4. Federal Lawyers' Act (Bundesrechtsanwaltsordnung, BRAO). https://www.gesetze-im-internet.de/brao/ (accessed 14 October 2026) (in German).
5. Law No. 71-1130 of 31 December 1971 reforming certain legal and judicial professions. https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000033679024 (accessed 14 October 2026) (in French).
6. Legal Services Act 2007, c. 29. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/29/contents (accessed 14 October 2026).
7. Legal Services Board. Approved regulators. https://legalservicesboard.org.uk/about-us/approved-regulators (accessed 14 October 2026).
8. Legal Services Board. Independent regulation. https://legalservicesboard.org.uk/our-work/ongoing-work/independent-regulation (accessed 14 October 2026).
9. Abel R. L. The Legal Profession in England and Wales. Oxford: Blackwell, 1988. 548 p. ISBN 0-631-14111-1.
10. Basic Principles on the Role of Lawyers (Havana, 1990). https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (accessed 14 October 2026).

[1]Основные принципы, касающиеся роли юристов: приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990). Пп. 16, 22, 24–29. OHCHR: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/basic-principles-role-lawyers (дата обращения: 14.10.2026).